

ОСИП ГЕРМАЙЗЕ

З ІСТОРІЇ СЕЛЯНСЬКИХ ХВИЛЮВАНЬ ТА НАРОДНИЦЬКОЇ ПРОПАГАНДИ НА ЧЕРНІГІВЩИНІ 70 РР.

До споминів Ол. Ол. Русова.

Дуже показним і важливим гніздом розвитку народництва на Україні була, безперечно, Чернігівщина. Тут організовувався гурток з братами Жебуньовими на чолі („сенжебуністи“, як їх іронічно називано в швайцарських колах революційної інтелігенції з Росії), тут провадив свою пропаганду Стефанович з Франжолі і низка інших більш і менш визначних народників, як от приміром Трезвінський, що про нього недавно подав цінні матеріяли С. Буда („Україна“, 1926, кн. IV).

Тут на Чернігівщині робив спроби серед селянства працювати і Ол. Ол. Русов, молодий захоплений ідеєю українського відродження діяч.

Про народницький рух на Чернігівщині ми маємо небагато зібраного матеріялу.

Перед істориками революційного українського руху велика задача прослідити народницькі гуртки на Чернігівщині, установити їх діяльність, з'ясувати вплив їх на селянське населення, зрештою вияснити ті взаємовідносини, що були між народниками, з одного боку, та лібералами чернігівськими, яких чимало було серед місцевого поміщицтва, з другого боку.

В цій замітці ми подаємо деякий матеріял, відшуканий нами в чернігівських архівах. Він освітлює трохи поставлені тут питання, а zarazом додає кілька подробиць до політичних митарств, так барвисто розповідених покійним Олександром Олександровичем.

Події, що її описують наші документи, сталися у червні—липні 1879 р.

11 липня цього року повітовий ніженський ісправник писав чернігівському губернаторові дуже тривожні чутки про неспокій серед селянства. „В прошлом июне месяце—оповідав він,—в некоторых селах Мринской волости между населением разнесся слух, что крестьяне, работающие у помещиков, будут закрепощены за ними. Слух этот не имел серьезных последствий и ограничивался наиболее крупным случаем ухода нескольких женщин с работ на огороде в имении г-жи Забело в с. Кукшине; которые, по разъяснении им местным старшиною всей нелепости подобных толков, тогда же возвратились к своим занятиям—и порядок более не нарушался“.

Слідство в цій справі, що його ісправник доручив зробити приставу, дало деякі імена винувників ширення непевних чуток.

Пристав, що мав директиви відшукати „виновного в распространении... слухов... и обнаружить причины появления оных“, доносив, що „в первоначальных рассказах о закрепощении обвиняется житель с. Кукшина беспрочно-отпускной рядовой Никифор Захаров Король.—Относительно же причин, если не безусловно порождающих различные толки в народе, то во всяком случае много способствующих к возбуждению оных,—ісправник вважав за свій обов'язок—указать на следующее обстоятельство: по постановлению нежинского Земского Собрания о составлении статистического описания уезда в конце прошлого года приглашенным Земством дворянином Русовым начали собираться в уезде потребные для того сведения. Время избранное Земством для исполнения этого труда по многим причинам оказывается крайне неудачным. В виду распускаемых в на-

роде людьми неблагонамеренными слухов о передаче земли, которые, если и не пользуются общим доверием, то нельзя отрицать, чтобы хотя в частностях не возбуждали каких либо затаенных надежд и ожиданий, а при таком настроении умов населения, затрогивать вопросы, касающиеся материального быта крестьянина, возможно только с крайней осторожностью.

Еще более неудачен выбор г. Русова для исполнения задачи Земства. Не имея положительных данных—обережно писав исправник—я не решаюсь прямо обвинять Русова в каких либо ложных толкованиях крестьянам, но во всяком случае с уверенностью могу сказать, что присутствие его в уезде и избранный им способ собирания статистических сведений, весьма вредно влияют на народное спокойствие. Приступив к своим занятиям Русов не установил для них определенной последовательности, которая дала бы возможность следить за его действиями; напротив он неожиданно появляется то в той, то в другой местности и о своих приездах не дает знать ни полиции ни волостным правлениям, входит в непосредственные сношения с крестьянами, спрашивает их о хозяйстве, средствах к жизни и поземельных отношениях к крупным собственникам. Подобные вопросы при непонимании крестьянами прямого их значения, дают повод к различным предположениям как о деятельности Русова равно и самой его личности, не только в среде крестьянского населения, но и в кружках более развитых. После каждого посещения Русовым какой либо местности, он и его вопросы надолго остаются предметом толков и разговоров между крестьянами, которые принимают даже Русова за то лицо, которое будет наделять их землею. Такое предположение о личности Русова едва ли само собою могло придти в голову крестьян. Скорее можно думать, что подобная мысль им кем либо не без цели подсказана. Судя вообще по образу жизни и действиям Русова, политическая благонадежность его крайне сомнительна, а то обстоятельство, что именно в уездах Борзенском и Нежинском, в которых последние два года он в качестве статиста (sic!), вращался в среде населения, наиболее распространены ложные слухи сильно говорит не в его пользу и трудно объяснить случайностью¹.

Як відомо, Русов був піонером у нас земської статистики, тієї роботи, що їй народницько-соціалістичні кола надавали такого великого громадського значіння. Робота Русова як статистика на Чернігівщині збагатила нашу науку зріцевою працею. Проводячи статистичні обслідування, народницька інтелігенція мусіла входити в порозуміння із земськими ліберальними діячами, використовуючи земську легальну можливість для своєї мети. Чернігівська влада очевидно помітила цей зв'язок між земськими лібералами та народницькою інтелігенцією, що в Земстві працювала, і поробила із цього в цьому випадкові страшні висновки.

Спритний чоловічок, помічник чернігівського пристава, якийсь Гальський, що його було послано таємно в райони, де пройшов неспокій серед селянства, повідомляв своє начальство, що на місцях одбуваються неприпустимі з погляду начальства події і що в них винні земські ліберали, серед яких висовувалась постать відомого Петрункевича.

Рапорт Гальського подає цінні риси діяльності як самого Русова, так і інших осіб революційно-народницького напрямку.

„Раскрывая действия—доносив Гальський—лиц, ведущих преступную пропаганду в Борзенском уезде, я обнаружил, что земский врач Волькенштейн, не имея ученой степени на звание доктора, был определен Борзенским земством на должность земского врача в местечко Ичню, Борзенского уезда. К раскрытию этого послужило следующее обстоятельство: в Ичанскую аптеку Погоды явился какой-то крестьянин с це-

¹ Черніг. Істор. архів, Справи канцелярії губернатора, 1879 р., № 247.

лию получить лекарства, при чем пред'явив рецепт с подписью доктора Волькенштейна. Разобрав рецепт, аптекарь усумнился в правильности его, почему обратился к адрес-календарю врачей и не найдя Александра Александровича Волькенштейна, для раз'яснения этого обстоятельства написал ему записку, на которую получил уклончивый ответ. После чего Волькенштейн в эту же ночь вместе с женою скрылся, оставя свое дитя (в оригіналі „дѣтя“) на попечение Петрункевичевой.

...По собранным мною сведениям врач Волькенштейн вместе с женою в политическом отношении крайне неблагонадежен и есть повод полагать, что Волькенштейн есть совершенно другое лицо и что он назначен земством на должность врача для удобнейшего распространения в крестьянской среде преступной идеи. Затем имею честь доложить: бывший учитель киевской гимназии Русов две недели тому назад в хуторе Сребдольском, Борзенского уезда крестьянину Михаилу Шейке говорил: „вот, вот скоро настанет время, когда и вы будете панами, так как август месяц решит все, потому что с'едутся иноземные государи для выбора Русского Царя, а этого, как преступника, сошлют в Константинополь или Иерусалим в заточение“. Из этого надо предполагать—робив висновок Гальский,— что готовится новое предприятие на покушение жизни монарха“¹.

Одночасно з обслідуванням, що його зробила в справі розрухів чернігівська поліцейська влада, цими розрухами і агітацією заінтересувалася і влада жандармська. Начальник чернігівського жандармського управління полковник фон-Мерклін писав 12 липня до чернігівського губернатора: „...Слухи о том, будто бы будут записывать в крепостных всех работающих у помещиков, проникли.. в Нежинский уезд, и хотя не случалось, чтобы рабочие уходили от кого-нибудь массами, но в прошлом июне месяце были случаи в Мшинской волости, что по несколько человек рабочих, напуганных этими слухами, уходили с работ, а потом возвращались и продолжали работать.

Откуда возникли эти и кто первый распустил их, добиться невозможно, но из сведений полученных из тех мест, где были подобные толки видно, что слухи эти возникали после приезда в ту местность собирающего по уезду статистические сведения дворянина Русова. Так, в с. Кукшине вышеозначенной волости были случаи, что крестьяне, узнав о приезде чиновника (Русова) и боясь, что это тот самый чиновник, который будет записывать в крепостные, уходили по домам, но потом, видя, что чиновник этот не записывает в крепостные, а собирает сведения о землях, снова приходили и продолжали работать. О том, чтобы слухи эти распускаемы были Русовым, не имеется никаких данных; но распространению слухов много способствуют его раз'езды, цель которых крестьянам не вполне известна.

Вообще можно сказать, что собрание статистических сведений в настоящее время, при напряженном состоянии умов простого народа, способного верить всяким нелепым толкам, крайне неудобно, а тем более, когда собрание этих сведений поручено людям неблагонадежным в политическом отношении, каковым представляется Русов.

Русов этот был в Киеве учителем гимназии и, как говорят, удален за неблагонадежность, потом он служил в Чернигове в статистическом бюро, бывшем при губернской земской Управе и, оставшись без места, когда бюро это было земским собранием закрыто, приглашен теперь для собрания статистических сведений в Нежинский уезд.

Русов находился в очень близких отношениях с Петрункевичем и с другими лицами того ж направления и, хотя, как я сказал, не имеется

¹ Ibidem.

положительных данных, чтобы он сам распространял в народе какие-нибудь слухи, но раз'езжая по уезду, он, как человек неблагонамеренный, умысленным умолчанием о настоящей цели своих поездок может возбуждать толки или поддерживать те, которые уже ходят в народе. До приезда в Нежинский уезд Русов собирал сведения в Борзенском уезде; и по мнению многих был также, если не вполне, то отчасти виновником распространившихся там в народе слухов“¹.

Тимчасом, як ішла оця переписка про Русова, Петрункевича та пропаганду, хвилювання селян зростали й район їх ширився. В тому-ж таки місяці червні, коли одбувалося хвилювання в Борзенському та Ніженському повітах, маємо аналогічні випадки і в Коногіпському повіті.

В с. Рубанці цього повіту дівчата, що працювали на бурякових плантаціях в Парафіївці, Борзенського повіту, принесли чутку звіттіля, що, як переказує урядовий акт,—„будто бы на днях приедут жандармы и будут переписывать людей и кого застанут работающих на панов, тот будет обращен опять в крепостную зависимость, а если ни у кого у панов на работе не будет, то паны поневоле оставят свои земли, которые и будут разделены между крестьянами поровну“².

Що до числа учасників в цих селянських протестах, то в окремих випадках, як напр. в маєтках Тарновського, робітники на буряках кидали роботу в числі 127 одного разу і 270 чоловіка в другому. Але чутка значно збільшила ці цифри і навіть в урядовому повідомленні знаходимо ми цифру 800 робітників, що покинули працю, замість 270, як це пізніше спростовувалося відповідними урядовими органами.

Офіційна комісія, організована чернігівським губернатором для розслідування цих розрухів, подала такі цікаві подробиці про них.

„13 июня поденные рабочие (з Борзенского повіту) около 270 человек (а не 800, как первоначально донес исправник), отправляясь на работы на свекловичные плантации нежинского предводителя дворянства Тарновского, встретили на дороге крестьянина Григория Нечая, который сказал им, что в Западнянской экономии, арендуемой купцом Чайкиным, жандарм согнал с работ всех людей, объявив, что оставшиеся на работах будут обращены в крепостное состояние. Вследствие этого рабочие поверив слуху начали расходиться по домам, но управляющий экономией Тарновского, узнав об этом немедленно прибыл к рабочим и своими убеждениями успел возвратить их к работам... Затем в следующие дни работы пошли своим порядком и хотя 23 июня в той же экономии 127 рабочих (67 Борзенского уезда и 60 Прилукского Полтавской губ.) опять оставили работы и ушли по домам, но по собранным... сведениям оказалось, что эта последняя забастовка рабочих произошла от недовольства на экономиию за дурное будто бы продовольствие, большие штрафы и по другим причинам, не имеющим никакой связи с причинами оставления работ 13 июня и после сделанных советником Лазаренком (присланий з Чернігова урядовець) убеждений рабочие Борзенского уезда почти все возвратились к своим занятиям и спокойствие водворилось“³.

Пильні шукання „винувників“ розрухів дали владі ще нові імена:

„Что касается до открытия виновников распространения в Борзенском уезде между крестьянами ложных слухов—писав чернігівський губернатор тимчасовому харківському генерал-губернаторові,—то по собранным выезжавшим в Борзенский уезд начальника черниговского губернского жандармского управления полковником фон-Мерклином при помощи

¹ Ibidem. ² Ibidem. ³ Черніг. Істор. Архів. Справи губернатора, 1879 № 166 „О прекращении собирания статистических сведений в Нежинском у.“.

сыскных агентов сведениям, можно прийти к положительному убеждению в участии в распространении этих слухов—учителей мартыновской школы Ерченко и Фастоведкой Чудновского, что подтверждает священник с. Мартыновки Алексей Левицкий, который объяснил приставу 3 стана Борзенского у. и помощнику пристава г. Чернигова Гальскому, что означенные, как ему известно, распускают вышеозначенные учителя, при чем присовокупил, что относительно Ерченко это могут подтвердить сын его Левицкого и землемер Александр Залесский“. Собрать же положительные фактические данные к обвинению Ерченко и Чудновского в распространении в Борзенском уезде ложных слухов в то время было весьма трудно, так как усиленные допросы для приобретения чего-либо положительного в этом деле, отвлекли бы крестьян от полевых работ, что могло бы возбудить между ними ропот и оказалось бы сподручным неблагонамеренным лицам“.

Але все-ж таки були відомості про неблагонадійність цих осіб. Іх підозрювали в приналежності до гуртка чернігівського лікаря Білого, висланого перед тим адміністративно з Чернігова. „Еще в марте месяце с. г.—читаемо в губернаторських повідомленнях—борзенский исправник доносил о заявлении вдовы дворянина Дашковой, что образ мыслей учителя Ерченко ей известен, так как она с ним хорошо знакома; она основывала свое убеждение о неблагонадежности Ерченко в политическом отношении на том, что он, а также учитель Иван Чудновский совместно с врачом Белым читают книги атеистического и религиозного содержания, из которых у Ерченка она заметила стихи „Железная дорога“ и „Протест сосланной в каторжные работы Елисаветы Хиницкой“. Затем из донесения того же исправника оказалось, что Ерченко и Чудновский имели постоянные сношения с врачом Белым и весьма часто собирались по ночам то у него, то у себя на квартирах; это подтверждает свящ. с. Фастовец Лука Чудновский, сторож фастоведкого училища, священник с. Мартыновки Левицкий, и что учителя эти под руководством Белого старались распространять свои воззрения между молодежью в школах и на народных гуляньях“.

Інше повідомлення вказує на те, що Чудновський та Ерченко ніби-то ширили чутки серед селян, направлені проти поміщиків, не сами, а „своими агентами“, з яких названо козака С. В. Кущенка та дядька О. Тхоржевського.

Під підозріння в ширенню отих чуток підпав ще один селянин на прізвище Майстренко, що його характеристика видається нам особливо цікавою, бо урядове повідомлення підкреслює його „хохломанство“; треба думати, що це означало свідомість і відповідну активність Майстренка в відношенню українському.

„Что касается до крестьянина Михаила Майстренка—писав чернігівський губернатор,—то о прямом участии его в распространении слухов об оставлении работы у помещиков обнаружено очень мало данных; имеются только указания местного исправника о том, что упомянутый слух в с. Фастовцах первоначально распространен был служащею у Майстренка козачкою Лукерьею Федоренко. Майстренко, как личность весьма близко стоявшая к высланному по политической неблагонадежности в Костромскую губернию землевладельцу Петрункевичу, в качестве управляющего его имением, усвоил себе воззрения Петрункевича, и таким образом вступил в кружок неблагонадежных лиц. Майстренко еще прежде обвинялся в произнесении дерзких слов против особы государя императора по поводу последней войны с Турцией и... возбуждал жителей м. Ични против местного священника... По объяснению козачки Ульяны Дубининой, Михаил Майстренко, бывши у нее в доме, произносил дерзкие слова об особе государя императора и порицал его величество в непристойных выражениях по поводу последней турецкой войны.—Козак

м. Ични Петр Майстренко заявил, что когда он был на обеде у крестьянина Фаддея Майстренка, то Михаил Майстренко между прочим говорил, что „из прихоти одного царя бедных солдат гонят на убой и режут как баранов“.—Крестьянин Фаддей Майстренко подтвердил почти все сказанное выше и присовокупил, что в доме Михаила Майстренко бывают часто по ночам посторонние личности.—Вдова коллежского регистратора Елизавета Павлова рассказал следующее, что когда в м. Ичне в апреле месяце с. г. было молебствие за избавление от угрожавшей государю императору опасности 2 того же апреля, она, Павлова с дочерью своею ишли¹ помолиться и на пути их следования нагнали крестьянина Михаила Майстренка, который ишел¹ один, опустил голову вниз и, не замечая их Павловых близкого присутствия, произносил такие слова довольно громко, как бы говоря с собою: „Вот дурак!—этот Соловьев; какой болван, стрелял пять раз и не попал, вот если бы я стрелял, то наверно—сразу повалил бы“.—Крестьянин Григорий Гончаренко слышал, как Михаил Майстренко в феврале месяце минувшего года на станции „Григоровка“ Ливано-Роменской ж. д. разговаривал по поводу событий последней войны: „государь император гонит бедный народ на убой, ему не жалко человеческой крови“.

Всі ці плітки і свідощтва, розуміється, мало ще говорити про якусь активну революційну чи пропандистську роботу. З них проте випливає, як безперечний факт, те, що Майстренко належав до елементів опозиційних і настроєних антиурядово.

Борзєнський ісправник давав ще й свою характеристику Майстрєнка, яка для нас видається особливо цікавою й цінною.

„Из собранных... мною сведений видно, что Майстренко родом из местечка Ични, где имеет усадебный двор. Майстренко по характеру своему весьма хитрый и пронырливый человек, тип крестьянина совершенно потерял, а выглядывает скорее лицом привеллигированного сословия, хотя впрочем влияние его на крестьян тех местностей где находятся его земли осталось прежнее, хорошо грамотен, по убеждению хохломан до мозга костей; жена и дети Майстрєнка почти всегда живут в местечке Ичне, сам же он беспрестанно странствует по разным местам уезда, но чаще всего бывает в своем хуторе около деревни Вишневки, там он имеет 500 десятин земли, в селе Плоске вблизи которого он купил 100 десятин земли и кроме того там же арендует имение Ивана Ильича Петрункевича, с которым находится в дружественных отношениях, бывает часто в городе Борзне и ездит в город Киев“.

На підставі цих усіх даних чернігівський губернатор вважав, що Майстрєнко „служит соединительным звеном“ між якоюсь революційною організацією в Борзні, що вона була відома губернаторові, та „сельскими обывателями тех местностей, где он пользуется значительною популярностью“.

Останнім в серії запідозрєних чернігівською владою неблагонадійних осіб названо сільського писаря Ічанського козака Осипа Гужовського. Він був на думку влади „один из агентов землевладельца Петрункевича, личность весьма неблагонадежная... выгнанный отцом своим из дому за праздную жизнь и дурное поведение“. Гужовського обвинувачено в тому, що він „постоянно возбуждает крестьян и распространяет между ними вредные мысли. Гужовский еще во время исполнения должности сельского писаря Иченского общества, под видом собирания статистических сведений... составил о злоупотреблениях местного станового пристава особую записку, которая рассылалась по волостям... Эта записка была составлена Гужовским с целью подорвать уважение к полицейской власти, чему служили доказательством... сведения о возбуждении им сотских против

¹ „Ишел“, „ишли“—в оригіналі.

станового пристава... В настоящее время Гужовский подбирает охотников из местных крестьян для протеста против арестования Мих. Майстренка“.

Губернатор, подаючи відомості про цих осіб, просив, щоб Єрченка та Чудновського було вислано поза межі Чернігівщини назавжди, а Майстренка та Чудновського „хотя временно“. Треба додати, що Єрченко, Чудновський та Майстренко були відразу заарештовані й сиділи в тюрмі.

Що-ж торкається ніби головного винownika селянських заворушень,— Русова, то арештувати його з наведених вище причин влада не зважувалася, а вирішила поставити йому перешкоди до єднання із селянством. Це можна було зробити, припинивши статистичне обслідування.

І от міністерство внутрішніх справ, повідомлене відповідним способом чернігівським губернатором про всі ті події, телеграфно пропонує 27 липня „немедленно“ припинити статистичні досліди в Ніженському повіті, „в виду тенденциозности этих исследований, вредного влияния их на сельское население и неблагонадежности лиц, коим исследования эти были поручены“. Цікаве відношення до цього розпорядження Ніженського земства. На засіданні уже в жовтні місяці земський гласний Трощина різко виступив проти цієї дивної заборони провадити обслідування, яке ось-ось мало вже закінчуватись. Трощину піддержали гласні Милорадович та Миловидов, але, коли справу було поставлено на голосування, то протестанти зібрали всього на всього 5 голосів, а решта гласних—15 не посміла повстати проти безглузкого наказу міністерства.

В усякому разі саме обмірковування цієї справи утворило певну атмосферу біля неї („обсуждение этого вопроса возбудило много толков“, висловлюється офіційний документ), і ніженський маршалок В. Тарновський вказував на це в докладній записці до губернатора, оперуючи аргументами побитої голосуванням земської меншости.

„Описание в уезде—писав він—давно уже окончено и осталось только неоконченным в самом городе Нежине описание нескольких домов и лавок. Нежинским земством на статистику уезда и города была затрачена, кроме труда, довольно значительная сумма денег, каковая затрата должна остаться непроизводительной, так как без окончания описания города земство не может воспользоваться своим неоконченным трудом“. В результаті Тарновський просив дозволити закінчити все-ж таки роботу „под личной ответственностью моей или членов Земской Управы“.

І тільки 3 грудня харківський тимчасовий генерал-губернатор прислав повідомлення, що з боку влади немає перешкод до закінчення статистичного обслідування.

На цьому кінчається матеріал про цей досить заплутаний епізод.

Факти, що в тому матеріалі знаходяться, дозволяють нам конкретніше і певніше познайомитися з фактичною діяльністю українських народників в 70 рр., з тими складними взаємовідносинами, що виникали часом помимо волі самих діячів між ними та селянством, зрештою цікаве питання про взаємини українства, народництва та поміщицького лібералізму так само знаходять в наведеному матеріалі свою ілюстрацію. І поруч із цим не повні, але барвисті маємо вказівки на селянські настрої, форми класової боротьби селян-наймитів,—сезоновий сільський пролетаріят, що його експлоатовано було на бурякових плантаціях.

Звернути увагу також хочеться і на незнану досить постать багатого селянина, „убежденнейшего хохломана“ Майстренка, що такого клопоту завдав чернігівській адміністрації.

Гадаємо, що всі ці відомості в пригоді стануть історикові українського народництва та історикові поміщицького лібералізму на Україні.